

Владимир Фёдорович Одоевский

Ответ на критику

Владимир Фёдорович Одоевский

Ответ на критику

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22139249

Аннотация

«В низших слоях литературы, где бьется об стенки „Северная пчела“, а „Библиотека для чтения“ выезжает на „Вечном жиде“ для развлечения зевающих читателей, „Сочинения князя Одоевского“ произвели довольно странное действие. Далекий от всех журнальных сплетней, кн. Одоевский никогда не мешался в непостижимую промышленную полемику нашего времени, но при случае не отказывался от долга произнести свое мнение об литературном экс-диктаторстве – и произносил не запинаясь; многим еще памятны два слова, сказанные им во всеуслышание об издании „Энциклопедического лексикона“ и, к сожалению, оправданные последствиями...»

Владимир Одоевский

Ответ на критику

В низших слоях литературы, где бьется об стенки «Северная пчела», а «Библиотека для чтения» выезжает на «Вечном жиде» для развлечения зевающих читателей, «Сочинения князя Одоевского» произвели довольно странное действие. Далекий от всех журнальных сплетней, кн. Одоевский никогда не мешался в непостижимую промышленную полемику нашего времени, но при случае не отказывался от долга произнести свое мнение об литературном экс-диктаторстве – и произносил не запинаясь; многим еще памятны два слова, сказанные им во всеуслышание об издании «Энциклопедического лексикона» и, к сожалению, оправданные последствиями. Вот что было сказано. «Энциклопедический лексикон» будет, как видно, второю «Библиотекою для чтения», благородного человека можно обмануть только один раз, но два раза сряду обманывают только дураков. Я соглашусь принять участие в сем деле тогда только, когда состав редакции будет соответствовать достоинству издания. Пушкин записал эти слова в своем дневнике, который хранится в его бумагах. Такая неосторожность, естественно, не могла понравиться издателю последних, невероятных томов «Энциклопедического лексикона», вконец убивших сие издание, на которое потрачено напрасно столько трудов людьми добросовестными и

столько невозвратной доверенности публики! Правда колет глаза, особенно когда была сказана заранее!

«Северная пчела» пока молчит, но можно предвидеть, в каком роде будут ее толки. «Библиотека для чтения», напротив, поспешила намаклатурить несколько страниц о книге не в пору откровенного человека. Вывести какое-нибудь заключение из ее критики так же невозможно, как из других критических статей, помещаемых в «Библиотеке для чтения»; здесь все и ничего; слова взяты напрокат из словаря, и еще с ошибками, кое-как приставлены одно к другому, набралось несколько страниц – и конец статье; это старая метода последних томов «Энциклопедического лексикона». Лишь по некоторым намекам можно догадаться, сердит или не сердит библиотечный критик. Как бы то ни было, «Библиотека для чтения» ужасно воюет против «Сочинений князя Одоевского» и против здравого смысла и, должно признаться, довольно успешно – по крайней мере в последнем случае. Вообще статья об этой книге должна быть отнесена к числу наиболее удачных статей «Библиотеки для чтения»; в ней нет тех невероятных ошибок против русского языка, которыми обыкновенно отличается это издание, нет жеманного, надутого и неправильного слога сочинителя «Фантастических путешествий», нет претензий на тяжелое, длинновязкое остроумие; здесь скорее подражание топорному, но все-таки русскому слогу автора «Уголино» и «Истории русского народа», которой окончания с таким нетерпением ожидают подписчи-

ки, заплатившие лет десять тому за нее деньги сполна. Средства, выбранные псевдокритиком, также весьма удачны, хоть он находился в весьма затруднительном положении. Как ни вертись, уж никак нельзя отказать князю Одоевскому хоть в таланте, хоть в новости точки зрения, хоть в неожиданных сближениях, предполагающих многосторонние сведения, а выговорить этого перед читателями не хочется, потому что это значило бы обратить уголь горящий на главу свою; как тут быть? «Библиотека для чтения» нашла секрет: не пускаясь в даль, она приписала самому сочинителю мнения действующих лиц, им выведенных на сцену, ему приписала места, приводимые им из авторов, им опровергаемых, одно переименовала, другое прибавила, третье убавила, и наконец, чтобы довершить поражение, рассказала содержание повестей князя Одоевского языком г. Полевого; этого удара не могли снести эти повести, несмотря на всю их занимательность, и сделались похожими на «Уголино» – страшно, но очень искусно! Мудрено ли после этого, что одно из действующих лиц показалось «Библиотеке для чтения» мистификатором, между тем как в этом лице автор выразил то состояние души человека, когда посреди высшего знания он озирается на пройденную, на ожидающую его дорогу и на него находит минута невольного отчаяния. Настоящее значение этого характера, названного автором нарочно для близоруких Фаустом, укрылось от «Библиотеки для чтения»; характер мистификатора ей показался ближе, сподручнее, чтобы не да-

леко было ходить.

Мы вполне оцениваем и выбор и добросовестность этих средств, но вот что жаль: нападая на сочинителя, который, по-видимому, почерпает свою ученость из газетных фельетонов, необходимо по крайней мере справиться хоть с историческим словарем, а то как, можно в журнале (с претензиями на ученость) из Рогера Бакона сделать двух разных людей: какого-то Логера и особо еще Бакона, да к пущей беде смешать его с Бэконом Веруламским (См. Бдч., Литературная летопись, стр. 8). – Это уже непростительно и неосторожно; ведь чего доброго читатели «Библиотеки» в самом деле подумают, как говорит князь Одоевский, что ее ученость «ниже гимназического курса»!

И вот как приветствуют наши «ценители и судьи» произведение во всяком случае хоть замечательное, а тем более при настоящем застое литературном.

Всего более не имеет чести нравиться «Библиотеке для чтения» статья «О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей русской литературе» («Сочин кн. Одоевского», том III-й, стр. 360). Не понимаем: отчего? Мы, напротив, смотрим на эту статью, как на крик негодования, невольно вырвавшийся из груди благородного человека при виде печальных явлений современной литературы, негодования, которое, вероятно, разделит с нами каждый из читателей. В этой статье есть места истинно назидательные; в особенности рекомендуем «Библиотеке для чтения» строки о романах, вы-

краиваемых из «Истории» Карамзина, к которым можно отнести и истории, из той же истории выкроенные, о сочинениях в фантастическом роде, достигнувших до состояния бреда – с тою разницею, что этот бред не есть бред естественный, который все-таки может быть любопытным, но бред, холодно перенесенный из иностранной книги. «Легкость сочинений такого рода, – как говорит князь Одоевский, – подняла снизу всю литературную тину; люди, едва знающие грамоте, и люди, знающие ее, но без поэтического призвания, люди без всякого образования и люди со знаниями, достаточными для составления букваря или азбуки, которые могли быть весьма полезными по сей части, – все пустились в сатирические, историко-нравственные и фантастические произведения разного рода. В этих произведениях...» и проч. до «все несуществующее в наших нравах».

Замечательно также следующее место: «Названия наук, неизвестных нашим сатирикам (прибавим: и критикам), служат для них обильным источником для шуток, словно для школьников, досадующих на ученость своего строгого учителя; лучшие умы нашего и прошедшего времени: Шамполиов, Шеллинг, Гегель, Гаммер, и особенно Гаммер, снискавшие признательность всего просвещенного мира, обращены в предметы лакейских насмешек, „лакейских“ говорим, ибо цинизм их таков, что может быть порожден лишь грубым, неблагодарным невежеством» («Соч. кн. Од», том III-й, стр. 365).

Назидательно, право! Особенно когда посмотришь, что эта статья была написана и напечатана в «Современнике» Пушкина в 1836 году!

Критика «Маяка» на сочинения князя Одоевского – такая прелесть, которой нельзя читать без истинного наслаждения. «Маяк» восхищается! Он без шуток находит «Русские ночи» весьма согласными с тем, что «Маяк» называет своим «учением». Но сочинитель «Русских ночей», верно, не ожидал себе такого комплимента; но, впрочем «Маяк» строг и справедлив – он, похвалим, однажды обращает внимание автора на изящные статьи, помещаемые в самом «Маяке», – этом двигателе не только просвещения, но также и образованности, чего по его велелепному учению никак смешивать не подлежит. Жаль только, что пропущен эпиграф в статье «Маяка» о «Сочинениях князя Одоевского», а кажется вот был бы вполне приличный:

Изрядно!.. сказать не ложно,
Тебя без скуки слушать можно!
А жаль, что не знаком
Ты с нашим петухом,
Еще б ты боле наострился,
Когда бы у него немножко поучился
Бедная наша литература!